

К Р О К О Д И Л

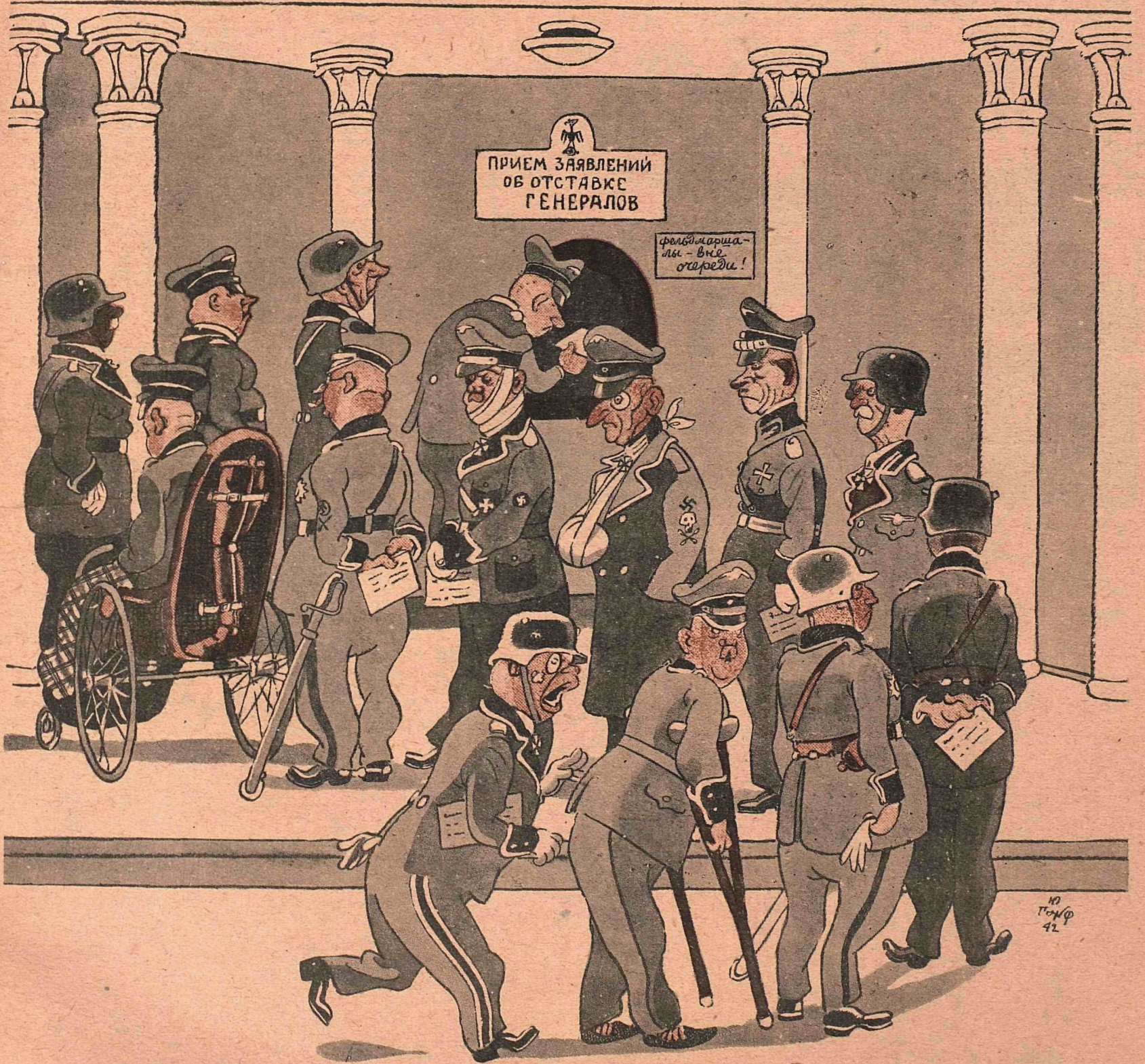

Рис. Ю. Ганфа

ОЧЕРЕДЬ РАСТЕТ

Кто последний?.. Я за вами...

Немцы отступают по плану...

советского командования.

Случай с Людвигом Крессом

Рыжий унтер крикнул зычно:
— Автоматчик Людвиг Кресс!
Планомерно, методично
Прочешите этот лес!
Автоматчик, верный долгу,
Отрубил: «Стараться рад!» —
И немедленно на елку
Свой нацелил автомат.
Но промешкался он малость,
Лишь добрался до курка,
Вдруг подмышкой зачесалось
И задержалась рука.
Жалят вши, подобно осам,
Грозным скопищем грызут.
Автоматчик над прочесом
Провозился пять минут.
Вновь прицелился. Поди же,
Не пришлось ему стрельнуть:
Заскребло в спине и ниже,
Зачесались бок и прудь...
Людвиг Кресс опять отвлекся,
То и это почесал.
Тело, словно после бокса,
Пламенело полчаса.
Людвиг Кресс мундир свой ветхий
Прочесал до дыр, насквозь.
Но в лесу ему ни ветки
Прочесать не довелось.

В. ГРАНОВ

Мудрое командование

ЭТО было давно — месяца два назад. Тогда германские военные сводки начинались обычно так:
«На Востоке развиваются операции гигантских размеров. Благодаря нашему мудрому командованию враг окончательно разбит и никогда больше...» И так далее.

Сейчас эти картинки выглядят иначе:
«Мы отошли, заняв позиции, которые были предусмотрены нашим мудрым командованием».

Как видите, германское командование во всех случаях жизни не вылезает из мудрости. Под Ростовом и в Крыму, под Волоколамском и Калининском, под Калугой и Можайском гитлеровские генералы на бегу показывали свою мудрость.

Надеемся, что под новыми ударами Красной Армии немецкие генералы поумнеют до неузнаваемости.

А один из очередных военных обзоров германского информационного бюро будет выглядеть примерно так:

«На Востоке развиваются операции гигантских размеров. Несколько раз полностью уничтоженная нами русская армия продолжает, благодаря мудрости нашего командования, наступать на заранее предусмотренные нашим мудрым командованием позиции».

Превосходящие силы германских войск под натиском разбитых русских дивизий планомерно покинули заранее предусмотренные нашим мудрым командованием позиции.

Деморализованные нашим стремительным отходом красноармейские части в панике и беспорядке атакуют наши укрепления и в полном замешательстве преследуют наши доблестные части, мужественно бегущие на заранее предусмотренные нашим мудрым командованием позиции.

По стратегическим соображениям мы сейчас не имеем возможности указать линию, где остановятся на зимние квартиры наши победоносные войска, тем более что за каждой заранее предусмотренной нашим мудрым командованием позицией имеется еще ряд заранее предусмотренных позиций.

Важно отметить, что наша славная пехота в тесном взаимодействии с артиллерией и танковыми группами продолжает, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, успешно двигаться назад, причем артиллеристы и танкисты для большей маневренности бросают на поле битвы материальную часть. Хроника войны изобилует героическими эпизодами, из которых видно, что танкисты в пешем строю часто приходят первыми на заранее предусмотренные нашим мудрым командованием позиции.

Благодаря отсталости русской военной науки советские командиры, вместо того чтобы экономить боеприпасы, посылают их в неисчислимом количестве в ряды наших войск, вследствие чего упомянутые ряды редеют и многие наши солдаты и офицеры никак не могут добраться до заранее предусмотренных нашим мудрым командованием позиций.

Мы считаем, что этим самым русские генералы попали в ловушку. Уничтожением нашей живой силы они превращают войну в блицкриг. Если русские не опомнятся, то скоро в нашей непобедимой армии некому будет отходить на заранее предусмотренные нашим мудрым командованием позиции и — более того — вообще не останется предусмотренных нашим мудрым командованием позиций.

* * *

В заключение отметим героический поступок обер-ефрейтора Фрица Бегункера. Вместе с обер-лейтенантом фон Драппе доблестный ефрейтор организованно отходил с востока на запад. Беспорядочная пуля русского стрелка сразила офицера. Ефрейтор не растерялся, а как истый ариец проявил незаурядную находчивость и побежал один. Русская пуля долгала ефрейтора и впиалась ему в то место, которое наши остроумные солдаты метко называют задом. Однако, получив ранение, ефрейтор не выбыл из строя и, несмотря на то что упомянутая местность ефрейтора была хорошо приспособлена русскими, он успешно добегал до предусмотренных нашим мудрым командованием позиций, где благополучно и скончался. Честь и слава герою!»

Г. РЫКЛИН

У немецких патриотов

Ночью в квартиру Шмитов три раза резко позвонили.

Сам герр Шмит, набрасывая на ходу халат и от волнения так и не поправ в левый рукав, побежал открывать.

В дверь ввалились три здоровенных штурмовика с такими бышгтексными мордами, что невольно хотелось осведомиться, почему они без полагающегося к ним гарнира?

— Хайль Гитлер! — приветствовали гости дорогого собрата по «третьей империи».

— Ха... хайль! — прошептал хозяин, не предвкушая ничего хорошего от этого визита.

Штурмовики, топчась сапожниками, гуськом проследовали в комнаты.

— Мы пришли, герр Шмит, — сказал старший из отряда, — узнать: какие теплые вещи вы намерены добровольно сдать для армии?

— Но я уже все сдал, — застонал несчастный герр, хватаясь за спинку стула, так как у него от патриотизма подкосились ноги.

— Кому сдали?

— Вашим штурмовикам. Они у меня здесь рылись с восьми вечера и до...

Но старший властным жестом оборвал его излияния:

— Имейте в виду, герр Шмит, что мы обысков не делаем... Вы вещи сдаете добровольно по призыву фюрера... А мы лишь пришли напомнить, что за невыполнение этого гражданско-го долга полагается смертная казнь...

И он выразительно дотронулся рукой до огромной кобуры.

Шмиту понадобился еще второй стул, чтобы удержаться на ногах:

— Честное слово, господи, мне уже раз напоминали... Вот посмотрите, даже синяк под глазом еще не прошел...

Штурмовики переглянулись. В тилловом кровоподтеке на скуле немецкого патриота они, должно быть, узнали знакомую руку.

— Гм... И вы утверждаете, что наши поварищи забрали у вас все теплые вещи?

— Абсолютно все!.. Даже серебряный будильник они почему-то признали теплой вещью и унесли с собой...

Старший с сомнением почесал бровь:

— Неужели у вас в семье не осталось ничего теплого?

— Ничего теплого, кроме вчерашнего сурогатного кофе в термосе... Ей богу!..

В это время дверь чуть приоткрылась и из спальни выглянула перепутанная фрау Шмит в чепце и фланелевой ночной кофте.

— У-у-у! — зарычал один из штурмовиков, сорвавшись с места — Он врёт, ребята!.. Вон отличная теплая штука!

— Что вы, что вы, господа! — в страхе заюлил хозяин. — Это моя жена! Ей пятьдесят два года!

— Да, но ведь кофта-то на ней фланелевая!

— Это же дамская кофта! Ночная кофта!..

— Мало ли что ночная... Любой лейтенант ее с удовольствием наденет... На русском фронте они сейчас не особенно следят за модами.

И он рысью помчался в спальню.

Оттуда послышался пронзительный женский визг, затем шум борьбы, грубая брань и снова женский визг.

Наконец в дверях появился торжествующий штурмовик с испаряющимся носом и бабьим барахлом в охапке.

— Запишите, герр начальник, добровольный дар на нужды армии от этой старой ведь... льфу... от этой славной патриотки фрау Шмит.

Обыск продолжался всю ночь. Были изъяты три ветхих пеленки, съеденный молью бабушкин салоп и юная кошечка Мурка, которая, несмотря на все устные и письменные призывы фюрера сдавать теплые вещи, до сих пор не сдала свою пушистую беленькую шкурку...

Ее предали смертной казни.

Утром герр Шмит выполз в столовую и механически включил радио. Из эфира донесся знакомый голос господина Геббельса:

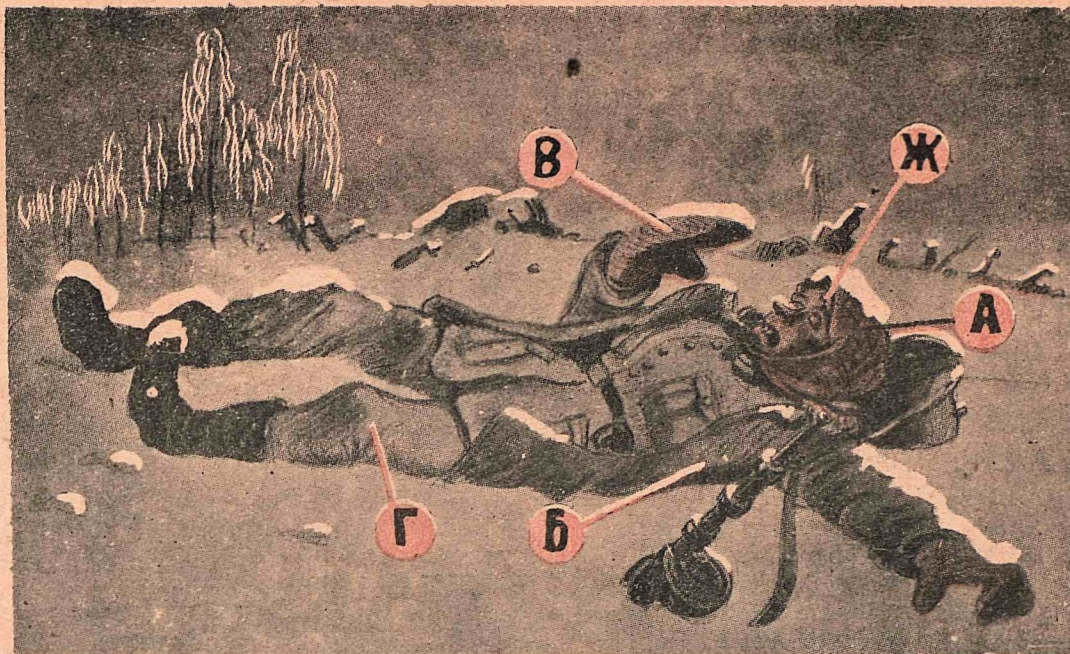
— Сбор теплых вещей для германской армии проходит блестяще. Это свидетельствует об огромном подъеме патриотического чувства среди...

Герр Шмит резко выдернул штепсель.

Евг. БЕРМОНТ

ПОЛУЧЕНО СПОЯНА

Рис. Б. Фридкина

А — головной платок. Сорван с колхозницы Анны Степановой; Б — кофта. Украдена у пр. Ивановой; В — варежки. Сняты со старика Сидорова; Г — брюки. Присвоены в квартире А. Слонова; Ж — пуля. Получена от партизана Николая Гречишкина.

Переписка друзей из музея в музей

1. Толстой — Чайковскому

Любезный Петр Ильич Чайковский!
Пишу с волнением и трудом...
Я отразил пожар московский
В «Войне и мире» (третий том).
Я там поглядел против шерстки
Наполеоновы войска,
Я обвинил их в мародерстве...
Увы! Простят ли старика!
Пришло двадцатое столетье
(Его Вы знаете навряд),
Нас с Вами нет давно на свете,
Но мы бессмертны, говорят.
Ну что ж,

Раз это так случилось,
Я Вам письмо черкнуть спешу.
Мой друг!

Французам и не снилось
То, что я вкратце опишу:
Недавно в Ясную Поляну,
Под гул и грохот батарей,
Ордою трубою нагринул
Отряд каких-то дикарей.
Картина старая воскресла,
Но только хуже во стократ!
Гляжу:

Любимейшие кресла
И книги в пламени горят!
Тупые, яростные лица!
Грабеж, и ругань, и разгром!
Пылают школа и больница,
Все разворовано кругом.
Так издевались звери эти,
Мой кабинет кроша в куски,
Что я на собственном портрете
Сжимал невольно кулаки.
Но запредела канонада.
Не в силах страха превозмочь,
Разнузданное это стадо
Трусливо побежало прочь.
Суров, решителен и строен,
Войдя в мой скромный кабинет,
С благоговеньем русский воин
Повесил снова мой портрет.
И по тому, как он взволнован,
Как храбрая дышала грудь,
Я понял, что Россия снова
Победный совершает путь,
Что не затмить ее сиянья,
Что гибель близится врагу!
Но... Одного при всем желаньи
Никак понять я не могу:
Кто те, что дом мой осквернили?

Скажите, милый Петр Ильич!
По речи — это немцы были.
Простите. Не могу постичь.
Нас с Вами нет давно на свете,
Широк веков огромный шаг,
Но чтоб потомки Канта, Гегеля,
Нет, нет! Тут что-то да не так!
В толк не возьму, признаться честно,
Кто у меня держал постой?
Когда Вам что-либо известно,
Уведомите.

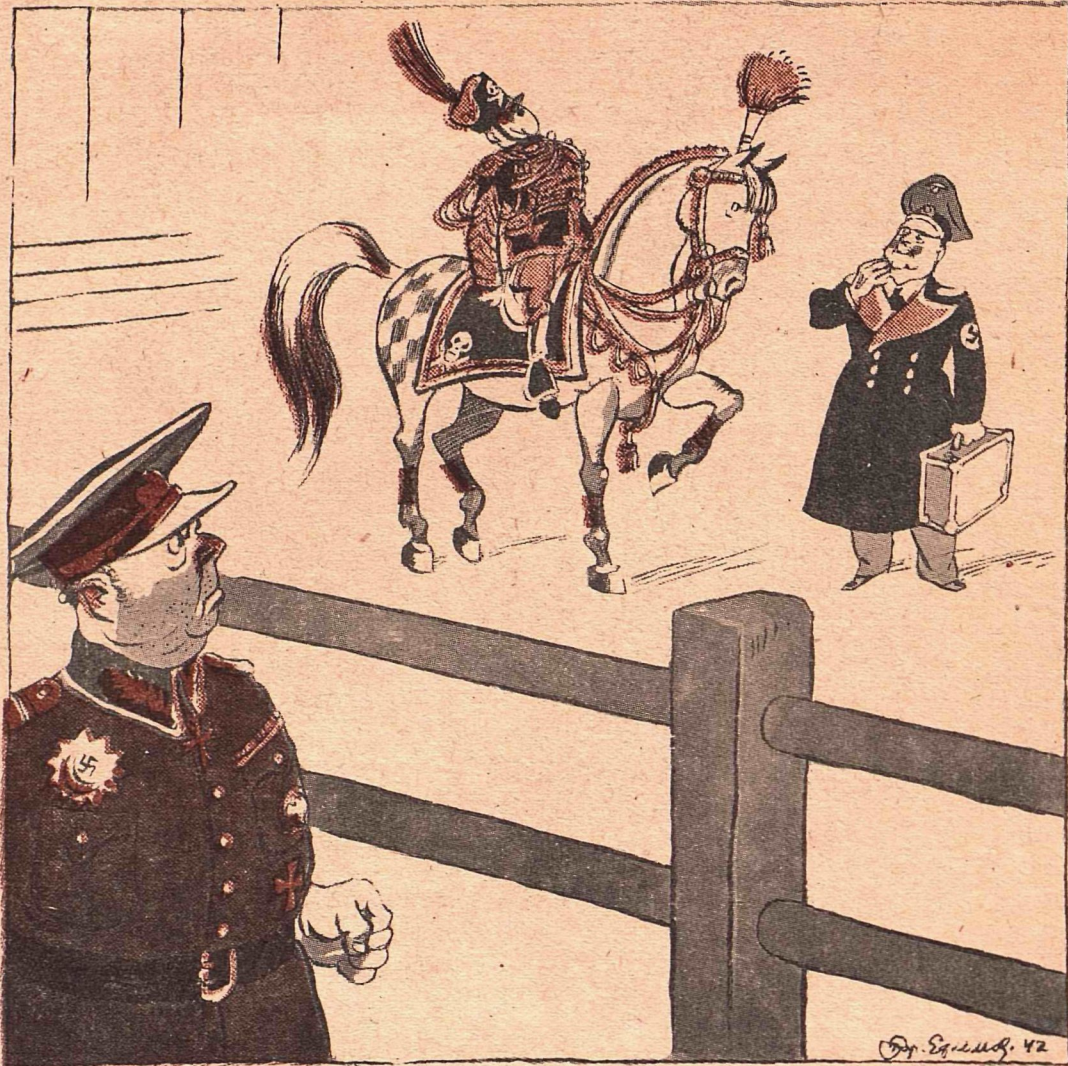
Ваш ТОЛСТОЙ.

2. Чайковский — Толстому

Мой дорогой Лев Николаич!
Прочел и сел Вам отвечать.
Вот уж поистине не знаешь,
Как подойти, с чего начать!
Вы натерпелись! Ох! Я тоже
Подвергся участи такой.
Мой дом был чуть не уничтожен
Свирепой, подлою рукой.
Воинственные идиоты
Ломали, воровали, жгли
Мой инструмент, картины, ноты
И все, что только ни нашли!
Их тоже выгнали, разбили,
Рассеяли во все концы.
По речи, это немцы были,
А по поступкам — подлещи.
Я погружен в мечты и звуки,
Я не политик — музыкант,
Но ясно: то не Гете внуки,
И предок их — никак не Кант.
И ясно также, что напрасно
Нас оскорбить пытался сброд,
И — что особенно мне ясно —
Их бьет великий наш народ!
Он и отчизну защищает
И нас в обиду не дает.
«Войну и мир» весь мир читает,
«Онегина», слышать, поет!
Мы, значит, близки миллионам,
Нас не осилит царство тьмы.
Мы справились с Наполеоном,
И этих одолеем мы.
За это полной нам поручкой
Народ — могучий исполин.
Жму крепко и сердечно руку.
Ваш, как всегда,

ЧАЙКОВСКИЙ
Клин.

Опубликовал Н. АДУЕВ

АНТОНЕСКУ. — Подумаешь, венгерская кавалерия! За румынским
пехотинцем ни одна лошадь не угонится!

Лишние люди Иван Петрович Бревно

КОГДА началась война, Иван Петрович Бревно подошел к своему негоряемому шкафу и вынул оттуда собственные мозги.

Дело в том, что Иван Петрович Бревно, человек в нашем ведомстве нужный и незаменимый, был в мирное время так занят, что решительно отвык думать. Впрочем, в этом не представлялось особой необходимости, потому что Иван Петрович Бревно был специалистом промежуточной инстанции. Думали те, кто был над ним, то есть высшие, руководящие товарищи, и те, кто был под ним, его подчиненные, то есть те, кто непосредственно занимался делом.

Делал наш трест подстаканники — предприятие огромное, можно сказать, всеобластного значения. Наверху составлялись планы и сметы, делались чертежи. Внизу по чертежам делали подстаканники соответственно планам и сметам, Иван же Петрович Бревно занимался тем, что получал указания сверху и спускал директивы вниз. Сам он своей мысли в это дело не вносил, так что даже, не желая обременять свою голову, спрятал мозги в негоряемый шкаф.

Бывало, что Ивана Петровича Бревно спрашивали его подчиненные:

— А как вы думаете, Иван Петрович, не укоротить ли нам ручку у подстаканника? Производственное совещание предлагает.

На это Иван Петрович Бревно отвечал солидно и веско:

— Надо повременить. Жду указаний.

Указания приходили, облеченные в надлежащую письменную форму. Аппарат Ивана Петровича Бревно регистрировал их как вхо-

дящие, переодевал в новую бумажную форму и спускал вниз как исходящие. Бумажки лились ровной и нескончаемой рекой. К этому так привыкли, что казалось: не будь промежуточной инстанции, не будь Ивана Петровича Бревно, не было бы и подстаканников.

Так прожил бы Иван Петрович всю свою жизнь, будучи глубоко убежден в своей незаменимости. Ежедневно, самодовольный, гладкий, важный, он появлялся у себя в кабинете, внушая трепет и уважение многочисленным своим подчиненным. Он подписывал бумажки, нажимал кнопки звонков, в положенное время завтракал, обедал, ужинал, и о нем говорили: занятый, деловой человек.

Ни разу за все эти годы он не испытывал нужды в своих мозгах. Они лежали в шкафу, пылились и сохли.

Началась война — и все изменилось. Наше предприятие стало выпускать не подстаканники, а стаканы, конечно, не чайные. Сжались все сроки, бумажек не стало. Планы передавались прямо на завод. Промежуточная инстанция выпала.

Иван Петрович Бревно узнал об этом последний, когда опустела его канцелярия и на столе не оказалось бумажек для подписи. В растерянности он обратился к вышестоящим товарищам за указаниями, на что последовал неожиданный ответ:

— А что, у вас своих мозгов нет?

Тогда Иван Петрович бросился к негоряемому шкафу и вынул свои мозги. Но они усохли и к употреблению не годились. Так окончилась промежуточная специальность Ивана Петровича Бревно.

ТРИО.

— Русские так стремительно захватить с собой мундир обер-ле...
— Ну и попадет тебе, Фриц!
— Ничего... Герр обер-лейтенант!

Фриц

Жили братья Фриц и Гнусным подо...
По щекам не...
И при этом гов...
Чтоб они до...
И когда в башк...
Курс наук в фа...
Их в вагоны...
Для убийств во...
На грабеж б...
Но недолго шос...
Братья Фриц...
Мы их щедро «...
«Причесали» и...
Били, били, б...
Фрица шашкой...
И в могилу...
А снега загоро...
Даже надши...

наступали, что я не успел даже
эйтенаанта.

энт остался там... в мундире.

и Вилли

риц и Вилли.
ли растили,
тям учили,
редко били
орили,
вольны были.
у им вбили
шистском стиле,
и посадили,
оружили,
лагословили.
лужили
еру-горилле.
угостили»,
«побрили» —
и убили
шудей Вилли,
положили,
шили
сь на могиле...

А. КОВАЛЕНКО

— Ужас!.. Я совсем запутался: кто же, наконец, следит за мной
и за кем слежу я?..

Письмо из Африки

Это письмо проделало большой путь — из Африки в Россию. Пишет унтер-офицер Рейнгольд Краузе, служащий в ливийских войсках, ефрейтору Эрху Омз, убитому на подступах к Москве. Оказывается, много общего есть в положении обеих немецких армий.

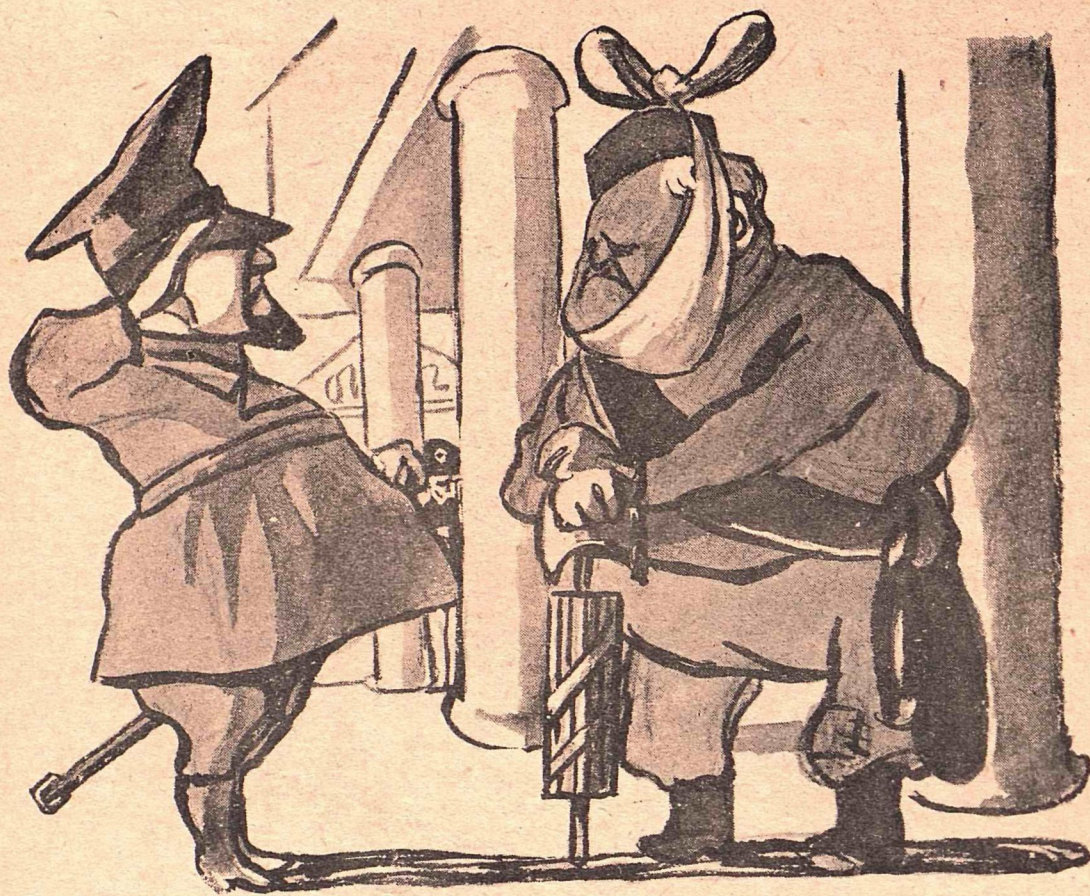
«По ночам здесь очень холодно, и приходится мерзнуть, так как наша одежда ни в какой мере не приспособлена к холоду, — пишет Краузе. — Бумажные брюки ведь никогда не грели».

Не довольствуясь прозаическим рассказом о прелестях ливийского похода, унтер-офицер германской армии посылает своему другу еще шуточное стихотворение, которое мы здесь приводим в переводе. Стихотворение называется:

ЖАЛОБЫ АФРИКАНСКОГО ШТУРМОВИКА

«Ах, в Ливии прекрасно: тут
И пальмы стройные растут,
Повсюду змеи и верблюды,
Арабы гордые повсюду,
И моря синева темна,
И в ярких звездах вышина.
Кто в Ливии хоть день пробудет, —
Ее вовеки не забудет.
Кормежка — в этом нет сомненья —
Превыше всякого сравненья.
Там мясо, колбаса всегда,
Там пиво подают со льда.
А финики, а апельсины —
Им счету нет, полны корзины!
Ну, словом, это дивный край.
О, Ливия, волшебный рай!»
Так при отъезде пели нам,
Но, правда, — с ложью пополам.
Конечно, пальмы здесь растут,
Но редко их встречаешь тут.

Конечно, здесь немало змей,
Но скорпионы жалят злей.
А с неба солнца желтый шар
На землю льет и льет пожар.
Но погоди, прошу прощенья,
Я позабыл про угощенье.
Где колбаса, где мясо наше?
Неужто пива нету даже?
Увы, здесь этих нет вещей,
А мы день ото дня тощей.
Зато дают похлебку нам
С песком пустыни пополам.
О шеф кухонный, отвечай:
Где кофе наше, где наш чай?
К тому же от жары и пыли
Книжки восстанье учинили:
Такие тут пошли дела,
Стрельба такая тут пошла!..
А эта кончилась напасть —
Беда другая началась.
О, ужас! Мы окружены:
Клопов явились табуны!
Пока боролась мы с клопами,
Тут блохи двинулись стадами.
На нашем теле новоселы
Домишки строят, даже села.
Поход крестовый против нас!
Избавились — и в тот же час
Другая началась потеха —
Тут было вовсе не до смеха:
Самум жестокий поднялся,
Песок столбами завился,
Забил глаза, засыпал уши,
Еще немного — и задушит.
Голодный, ешь ты бутерброд —
Песком мгновенно полон рот.
Везде песок, песчинок тьма,
Он сводит медленно с ума.
Так вот каков ливийский рай!
Теперь мы знаем этот край.
Домой, домой бы! Нету мочи!
Домой... Но дом далеко очень.

— Позвольте доложить, дуче: Гитлер требует новые итальянские дивизии для Восточного фронта.
 — Как?... Разве те, которые мы ему дали раньше, уже прибежали обратно?..

Счастливы парашют

ГОСПОДИНУ капитану Константину Георгиану неслыханно повезло: ему попался испорченный парашют. Представьте себе, прекрасный немецкий парашют, но только испорченный. Да, испорченный — именно в этом-то и было все счастье. Потому что, если бы он не был испорчен...

Впрочем, если бы он не был испорчен, то это была бы слишком страшная история, и главное, господин капитан никому бы не мог рассказать, потому что он был бы не господином капитаном, а холодным, бесчувственным трупом.

Впрочем, давайте по порядку. Господин капитан Константин Георгиан — не кто иной, как командир 56-й румынской истребительной эскадрильи. Правда, у румын вовсе никогда и не бывало столько истребительных эскадрилий, и цифра эта поставлена была исключительно для пушек храбрости: все-таки легче пропадать, когда знаешь, что ты не первая, а 56-я эскадрилья. Но, так или иначе, господин капитан командовал именно 56-й румынской эскадрилей. Почему не 556-й и не 1056-й, этого господин капитан не знал.

У господина капитана был парашют. Какой парашют господин капитан однажды ночью слепка подпортил. Мы не знаем, как именно он его портил, может быть, тыкал ножиком, может быть, делал с ним еще что-нибудь в этом роде, но, так или иначе, после этой процедуры его парашют должен был иметь повышенную скорость вместо нормальной. А именно — десять метров в секунду.

Нужно отметить, что господин капитан отнюдь не был ни самоубийцей, ни любителем скоростных прыжков. Наоборот, как впоследствии выяснилось, он был самым предусмотрительным человеком во всей румынской авиации. В чем же дело? А в том, что румынским летчикам приказано расстреливать в воздухе своих товарищей, если те будут сбрасываться на парашютах над чужой территорией.

Вот это обстоятельство основательно запомнил господин капитан, когда дырявил свой парашют. Попросту говоря, капитану была охота жить — чувство довольно естественное

в человеке вообще, а в румынском капитане особенно.

И вот, когда, произведя очередной неудачный налет на город, господин капитан получил ввиде подарка снизу вполне доброкачественный советский снаряд прямо в пузо своего вполне недоброкачественного румынского самолета, то он, благословясь и недолго раздумывая, сиганул со своего самолета вниз, беспокоясь только о том, достаточно ли он испортил свой парашют.

Оказалось, что достаточно. Не успели его добрые друзья из эскадрильи хорошенько примериться, чтобы прострочить его грешное румынское тело из своих румынских пулеметов, как, к их удивлению, хитрый капитан камнем пошел вниз.

Будучи натренированным стрелять по своим парашютистам при скорости падения пять метров в секунду, храбрые румынские асы растерялись при виде такого трюкового прыжка. И пока они пытались приспособиться к новой, так сказать, боевой обстановке, предусмотрительный капитан камнем летел вниз на советскую территорию, посылая воздушные поцелуи своим заботливым коллегам по эскадрилье.

Правда, при снижении он несколько повредил себе обе ноги и вывихнул руку, но это было только незначительным лишением. Приземлившись, он немедленно поднял руки тем автоматическим движением, которое так свойственно румынам, и бодро и радостно сдался в плен.

Его нельзя упрекнуть в неблагодарности. Первые его слова благодарности были обращены к своему счастливому парашюту.

— Хорошая штука! — сказал он, поглаживая рукой шелковую ткань. — Испорчена ровно настолько, насколько это нужно для того, чтобы сохранить жизнь.

Впоследствии капитан пребывал все в том же счастливом настроении и только окажет, что, будучи пионером в этом деле, не успел передать свой боевой опыт другим румынским истребителям.

Впрочем, я слышал, что в лагере для военнопленных ему предоставили возможность написать домой открытое письмо на эту весьма актуальную для румынских асов тему.

Такова правдивая история о храбром капитане Константине Георгиане и о его счастливом парашюте.

К. СИМОНОВ

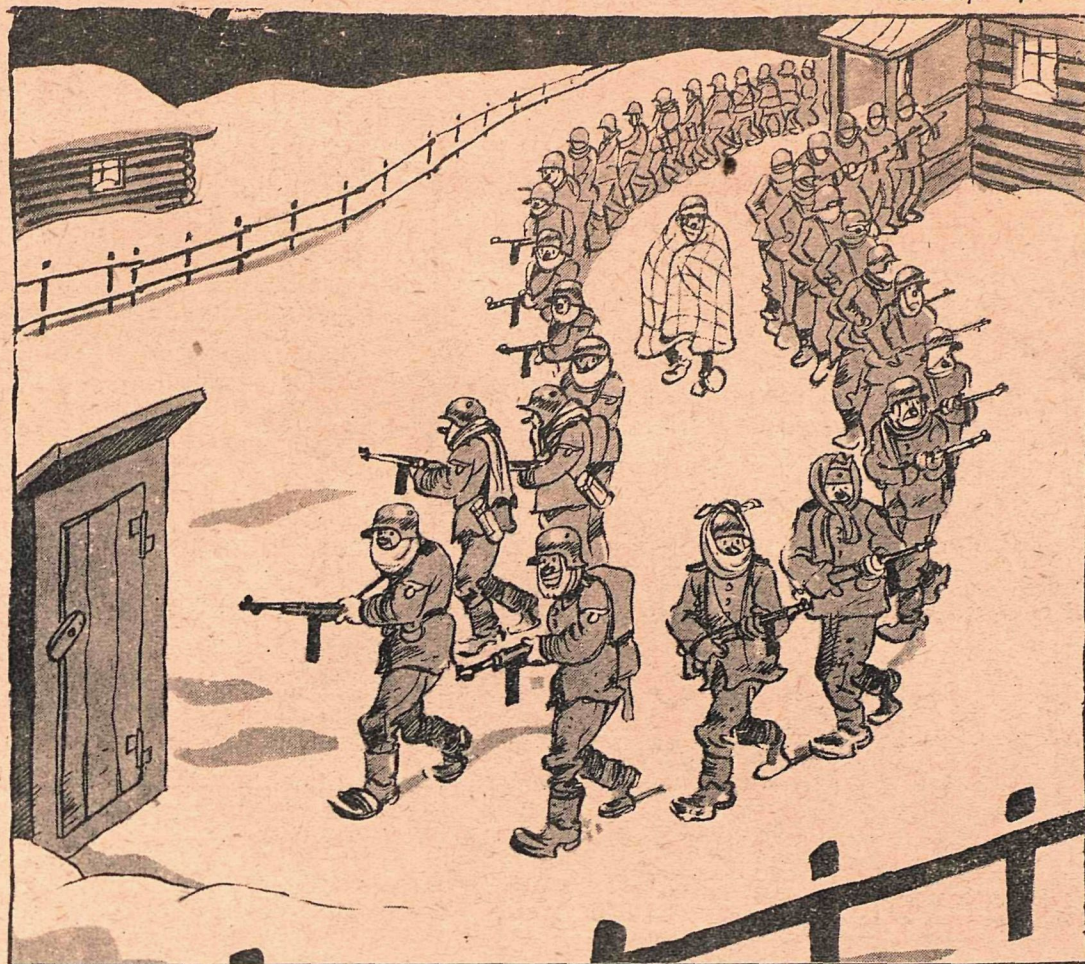
Южный фронт.

ПОДСНЕЖНИКИ

Рис. Б. Клинка

— Ничего, ничего!.. Весной, когда растает снег, я опять покажусь...

Господин полковник фон Пляшке очень боится партизан.

Метким ударом

(По столбцам фронтовой печати)

КАК РЫБА В ВОДЕ

Немецкий офицер (солдату из уголовников). Ну, как ты чувствуешь себя в нашем батальоне?

Солдат. Замечательно, господин оберлейтенант! Кругом все своя бражка! Как будто из тюрьмы не выходил!

(«Во славу родины»)

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ

— Фриц, почему ваша дивизия называется «Мертвая голова»?

Потому, что в ней живых голов почти не осталось.

(«За советскую родину»)

НЕОПРОВЕРЖИМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

— Михаль, о чем говорил вчера господин Антонеску, выступая перед дивизией?

— Он говорил, что у нас, в Румынии, настоящая свобода и если кто в этом сомневается, то он расстреляет сто человек, но докажет это.

(«Во славу родины»)

ОТВЕТЫ ПО СУЩЕСТВУ

Стоя на задних лапках перед фашистским генералом Шмидтом, немецкий военный врач Альберт фон-Гунд, подобострастно улыбаясь, знакомился с генеральскими болячками.

— На что вы жалуетесь? — спросил он.

— На действия партизан, — буркнул генерал.

(«Защитник родины»)

ТЕЛОГРЕЙКА БАБУШКИ ПЕЛАГЕН

На окраине оккупированного села, по колено в снегу, дрожа от холода, стояли в карауле румын и итальянец. Заметив валявшуюся в кустах женскую телогрейку, они бросились к ней и начали бороться.

— Слушай, — сказал, задыхаясь, румын, — я уступлю тебе причитающуюся мне часть Украины, но отдай мне эту дамскую тряпку, которая привлекает меня фасоном.

— Дураком нет, — ответил итальянец, — лучше я отдам тебе свою часть Кавказа, чем эту вещь, в которой еще сохранилось немало вагы.

Проходивший мимо немец хапнул телогрейку и начал натягивать ее.

— Везет нам, Петр Иванович, — сказал партизан своему товарищу, подстреливая поочередно немца, итальянца и румына. — Сколько мы их уже поймали на эту телогрейку, на которой семь лет спала Жучка бабушки Пелаген.

(«Сталинский воин»)

ЗАПУТАЛИСЬ

— О чем ты думаешь, Ганс?

— Я думаю о том, что я не должен думать, ибо фюрер думает за меня.

— А что думает об этом фюрер?

— Он думает, что я об этом не думаю. Вот об этом я и думаю.

(«В бой за родину»)

ИТАЛЬЯНСКИЕ РАЗГОВОРЧИКИ

— Зачем дуче послал итальянцев на Восточный фронт?

— Для доказательства, что они удирают не хуже немцев не только по ливийским пескам, но и по русским сугробам.

(«В бой за родину»)

НАДПИСЬ НА КРЕСТЕ

Фон дер Хлюст в Москву шагнул и кричал:

— Гох!

Но в сугробах он застрял и сказал:

— Ох!

Русский холод проклинал и искал

блех,

С голодухи потчим стал и жевал мох.

И, когда на штык попал, как шакал, сдох...

(«В бой за родину»)

ПОДАРОК

— Фрау Матильда, я привез вам ботинки. — Боже мой, какой большой сюрприз! Размер 37?

— Нет, 44. Это ботинки вашего мужа.

— Зачем же вы их мне привезли?

— Как зачем? На память. Это — все, что от него осталось...

(«Защитник отечества»)

12

109

СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯМ

	и серии	рецензия	лет
Получ.	4/1		
в ред.			
дата	5/4		
в архив			

Рис. Л. Бродаты

ОБЪЕКТ ПРЕДАТЕЛЬСТВА
 Имя не дано
 Волочени

Суд идет..

А